

(1443) 72.02

562

Ежи ЛУКОШ

Групповой портрет с Казановой

Окончание. Начало см. № 41, 42, 2002 г.

МАГИСТР (сдает позиции, надевает недостающие детали костюма Фридриха Великого): Аааа... Это ты, мой Джованни. Все о бабенках мечтаешь? Когда-нибудь они тебя погубят. (Делает несколько шагов.) Видишь, какая у меня стала походка? А из-за кого? Из-за женщины. Прежде чем иметь дело с женщинами, надо заглянуть им в медицинскую карту.

КОЛЛЕКЦИОНЕР-КАЗАНОВА: Ну и дура же ты. В те времена не было никаких медицинских карт.

МАГИСТР: А ты со своими телками бог весть что вытворяешь. Мне через стенку все слышно! (В бешенстве.) Расшалился, блин, на старости лет!

КОЛЛЕКЦИОНЕР-КАЗАНОВА: Оставьте этот тон, государи! Без этих утех мир потерял бы всю свою прелесть. Не стоило бы даже выходить из дому. Или мыться. А благодаря этим птичкам хочется отведать всего.

МАГИСТР: А я вот обожаю войны. И своих офицеров. Крепкие ребята, только умирать боятся. А может быть, они хотят жить вечно?

КОЛЛЕКЦИОНЕР-КАЗАНОВА: Ну, войди же в роль.

МАГИСТР: А пошел ты...

КОЛЛЕКЦИОНЕР-КАЗАНОВА: Что это наш король так гневается?

МАГИСТР: Ну, скажи мне. Только честно. Что тебе дает это свинство?

КОЛЛЕКЦИОНЕР-КАЗАНОВА: Мой государь! Мне страшно, что жизнь уходит.

МАГИСТР: А с каких это пор, блин, ты дорожишь жизнью? В течение всего нашего супружества мне казалось, что ты вынуждаешь себя жить. Только и делал, что валялся на диване.

КОЛЛЕКЦИОНЕР-КАЗАНОВА: Это видимость. Во мне бушевал скрытый огонь. Охвативший мои чресла на долгие годы. Да будет вам ведомо, государь, что девочки ценят пожилых поклонников. Впрочем, откуда вам знать, ваше величество, вы же предпочитаете офицеров.

МАГИСТР: А когда ты все-таки вставал со своего дивана, то ничего тебе не хотелось. Другие строились. Покупали в кредит машины. А у тебя — ничего! Ни дома, ни машины! Только эта твоя чертова коллекция!

КОЛЛЕКЦИОНЕР-КАЗАНОВА: У меня весьма недурная коллекция. Не хватает лишь портрета мадам Лекуврер. Он завершит парижский отдел моего собрания. Это вопрос времени и определенных деликатных усилий. С каким облегчением я переключусь на Мадрид! Мечтаю о Мадриде!

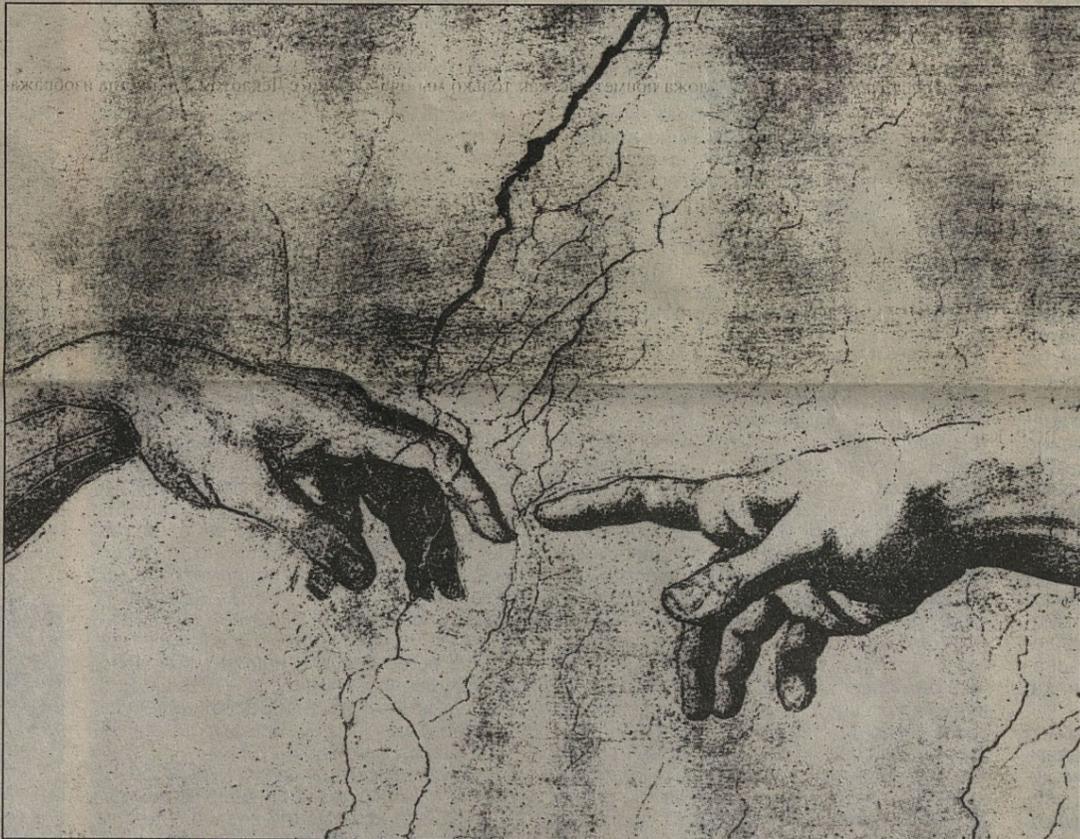
МАГИСТР: Мне хотелось иметь от тебя детей. Я бы гордилась и возила их в коляске перед домом. Но тебе дети только бы помешали. Ты избегал меня даже в безопасные дни. Я прибегала из института домой, готовила ужин, при свечах, с коньяком. А ты выпьешь сразу всю бутылку и заснешь или врубишь телевизор. Мне хотелось тебя убить. Но я Бога боялась.

КОЛЛЕКЦИОНЕР-КАЗАНОВА: Напрасно. Ведь Бога нет. Энциклопедисты доказали это со всей непреложностью. Однозначно и бесповоротно. Если бы был Бог, был бы и ад. Сколько же понадобилось в нем кругов, чтобы нашелся круг и для меня?

МАГИСТР: Много. При любой возможности ты бегал на блядки. Думаешь, я ничего не подозревала? Верила твоим байкам про съезды коллекционеров? А мне-то чего не хватало? Ты на всех клевал, только не на меня. В постели с тобой я чувствовала себя как у дантиста. Разве что не тогда, когда ты думал о другой.

КОЛЛЕКЦИОНЕР-КАЗАНОВА: Я всегда думаю обо всех других, ваше величество. Все они суть сферическое замыкание моей души. Все они суть — масло, подливаемое в огонь моих чресел.

МАГИСТР: Ах ты, бедняк, жертва собственной флейты! Ты на себя погляди! На кого ты похож! Ка-

кого шута из себя строишь! Огонь чресел. Лучше бы вымылся. От тебя козлом несет. И как твои девки решаются сюда приходиться?

КОЛЛЕКЦИОНЕР-КАЗАНОВА: Не девки, ваше величество, а первые дамы эпохи. Ах, сколько они вносят света! Хотя, разумеется, не Прометеева огня. По этой части у нас есть Вольтер. Кстати, где он? Пишет новую версию "Кандида"?

МАГИСТР: Чего я только ни делала! Ради тебя я была готова на все. Я бы отказалась от работы в академии. От надежды иметь ребенка. Стала бы твоей помощницей. Лишь бы ты пустил меня в свою душу. А ты заперся на все четыре щеколды. Да нет, возможно, вряд ли. И как я ни билась головой об стену, ты всегда был далеко. В себе. Бог весть, где. Все эти годы ты меня отвергал. И вечно имел ко мне претензии. Во всех своих неудачах винил только меня. Слово я твое несчастье, камень на ногах. Что бы ни случилось, ты злился на меня. А мои дела? Мои стремления? Ты не уделил им ни минуты внимания. Для тебя жена — концентрат личного несчастья. Посторонним даже не было заметно. Нас считали дружной парой. Никогда никаких скандалов. А какие могут быть для тебя — пустое место, где чувства не вспыхивают, а гаснут. Мою работу ты не уважаешь. А я счастлива, что у меня

есть хотя бы эти мои репродукции. Что могу хоть иногда показаться на люди. Вот ты смеешься, что я хожу в костел. Но когда нет никакой надежды здесь, создаешь ее себе там.

КОЛЛЕКЦИОНЕР-КАЗАНОВА: Да вы совсем расклеились, ваше величество. Держитесь, государь. Вам предстоит выиграть еще не одно сражение. А вы все хнычете. Если уж спорить, то с Вольтером. Бывало, мы с ним выпивали. И с каждым флаконом вина он становился все остроумнее.

Магистр бросается с кулаками на Коллекционера-Казанову. Колотит его что есть мочи, царапает, бросает на пол. Бьет несколько раз палкой.

МАГИСТР: Получай, мой миленький! Получай! За твои гнусности под моим кровом, за то, что перепортил мне всех горничных и всех придворных дам! За то, что превратил дворец Сансуи в притон разврата!

КОЛЛЕКЦИОНЕР: Ты с ума сошла! Тебе лечиться надо. Ты меня ударила. (Встает, ошеломленный.) И ты хочешь со мной жить, есть и спать?

МАГИСТР-ФРИДРИХ: Много чести, мой Джованни. Я тебе все выложил, и мне полегало. Солдатская душа, понятно? Надо сказать и подтвердить слово делом. Времена нынче такие, мой Джованни, что людям мало сказать, им нужно показать. Они ува-

жают только силу. Слова одерживают победы только на конкурсах скороговорки.

КОЛЛЕКЦИОНЕР: Именно за это я тебя ненавижу. Из-за твоего примитивизма. Этой, этой...

МАГИСТР-ФРИДРИХ: Этой решимости. Мы — существа гораздо более примитивные, чем кажется идеалистам.

КОЛЛЕКЦИОНЕР: ... нелепой черствости. Как будто на том месте, где у других голова, у тебя — пустая тыква. Я хотел сказать тебе столько вещей! Хотел поделиться столькими мыслями. А ты глядела на меня непонимающими глазами, которые мечут молнии. Я знал, до тебя не достучаться никакими словами, для слов ты неуязвима, и тебе мои аргументы — как с гуся вода. Ты понимаешь только то, что чревоуважаешь сама.

МАГИСТР-ФРИДРИХ: Эту истину о человеческой ограниченности вскоре выскажет некий изысканный поэт, который затем станет солдатом.

КОЛЛЕКЦИОНЕР: Но я бы все это стерпел. Если бы был у тебя единственный. Если бы имел исключительное право на несчастье быть с тобой. Исключительное право быть несчастным с кем-то одним — это уже кое-что. Ты думаешь, я не знал о твоих хахалах? Об этих мыльных пузырях, чьей мазней ты восторгалась на

вернисажах. Да еще и знакомила меня с ними. Я готов был взорваться от ярости, когда ты говорила, кто из них и чем именно тебе импонирует.

МАГИСТР-ФРИДРИХ: Не стоит вспоминать бедных драгунов. Кровь — не вода. Это были мимолетные увлечения.

КОЛЛЕКЦИОНЕР: В какой-то момент я понял, что трачу свои усилия в сфере, тебе недоступной, и ожидаю от тебя чего-то, что противоречит твоим идеалам. Я мог бы без перерыва стоять на голове, а ты бы и не заметила. Потому что не смогла бы. Даже если бы захотела.

МАГИСТР-ФРИДРИХ: Ну, не знаю, не знаю. Иногда ты мне казался очень даже ничего.

КОЛЛЕКЦИОНЕР: Я не собирался прожить так всю жизнь. Я бежал от тебя в свою коллекцию редкостей. Теперь я общаюсь с ними из любви, но тогда я бежал к ним из ненависти. И что? Ты думаешь, у меня прошло? Не тут-то было. Плохо дело. По утрам я просыпаюсь и вопрошаю Бога, которого нет. Ну, и что сегодня? И слышу в ответ: Плохо дело. Опять надо вставать? Но зачем? Темно, глухо, пусто. (Раздается "темная" музыка.) Паршиво мне, ваше величество. Я беру себя в руки. Чистю зубы. Шнурую ботинки. Напеваю про себя. И что? Лучше не становится. Мне все так же паршиво. Неужто это навсегда. Господи? Навсегда. И я всегда буду один? Будешь один.

МАГИСТР-ФРИДРИХ: Даже Вольтер не впадает в такую меланхолию. Я не узнаю тебя, мой Джованни...

8.

Входит Вор, переодетый Вольтером. Мы слышим ту же музыку. В кабинете Коллекционера становится светлее.

ВОЛЬТЕР: Здравствуйте, господа. Бонжур, ваше величество. Приветственную горячую кровь Италии. (Садится на стул, медленно снимает перчатки.) Но где же карательная служба, которой так славится Потсдамский дворец? Я желал бы заказать свой обычный десерт.

Коллекционер и Магистр оцепенели от неожиданности, глядят то друг на друга, то на Вольтера.

ВОР: Заколдобило вас? Понятно. Мне это вполне понятно. Переизбыток порочности, затем полный ступор. Вы так надели на того беднягу, что я испугался за ваше достоинство. Такие великие люди — и подбивают на грабеж? О, это худо. Я все слышал.

МАГИСТР: А это что за ряженный?

КОЛЛЕКЦИОНЕР (вздыхает): О, Боже...

МАГИСТР (на ухо Коллекционеру): Что делать?

КОЛЛЕКЦИОНЕР (на ухо Магистру): Может, нам тоже начали являться видения? Ведь это Вольтер!

МАГИСТР: Матерь Божья! Я знала, что ты доведешь меня до сумасшествия.

КОЛЛЕКЦИОНЕР (изображая полную серьезность): Помни, ты — король Пруссии.

МАГИСТР: Хорошо, мой Джованни.

Раздается прежняя музыка, только громче. Вольтер, Фридрих и Казанова ведут себя свободно — так, словно встречаются регулярно. Выполняют целую серию обычных жестов взаимной вежливости. Казанова закуривает сигару, Фридрих берет в руки флейту, Вольтер жадно пьет вино, то и дело подливая его в свой бокал.

КАЗАНОВА: На этих портретах довольно неловко. Никаким членом не шевельнешь.

ВОЛЬТЕР: Все, что я написал, было совершенством. Но моя внешность на полотне донельзя омерзительна.

КАЗАНОВА: Эта баба намалевала меня только наполовину. Впервые ко мне отнеслись как к полу-мужчине.

ФРИДРИХ: В оригинале я чувствовал себя прескверно. Этот богомаз так меня скрутил, что я едва держался на ногах. Он, кажется, считал, что я резиновый и могу простоять так целую вечность. И только на копии мне полетало. Какое блаженство!

ВОЛЬТЕР: Главное — оптимизм.

КАЗАНОВА: Поговоришь — и отведешь душу.

ФРИДРИХ: Приятно кого-нибудь напугать.

Звукан и сцена —

Лукаш Ежи

ВОЛЬТЕР: Ты имеешь в виду того беднягу?

ФРИДРИХ: Совет душ – это как поцелуй гения. Хочется еще и еще.

КАЗАНОВА: Или как танец с искрометной испанкой.

ВОЛЬТЕР: Разве что совет душ – это, скорее, а, а не вы. Ох, как же вы кривлялись, когда пугали того беднягу. Стыдно!

КАЗАНОВА: Ты тоже кривляешься. Не понимаешь? Не обольщайся насчет своего приоритета. Ты только на-малеван.

ВОЛЬТЕР: Но испытываю те же ощущения, что и прежде. Разве что немного попахиваю краской. А вы что ощущаете?

КАЗАНОВА: О.К. Тело уж не то, но душа обогатилась измышлениями двух столетий.

ФРИДРИХ: Но вы хорошо смотрите, мальчики. Патинка в самый раз. Даже не осыпаетесь. Вы наверняка сошли с копии.

ВОЛЬТЕР: Похоже, краски свежие.

КАЗАНОВА: Копии скверные.

ФРИДРИХ: Копии отличные. Это мы странные.

ВОЛЬТЕР: Мы знаем больше, чем видели, когда обретались в оригинале.

КАЗАНОВА: Мы какие-то скаженные.

ВОЛЬТЕР: Какие попало.

ФРИДРИХ: Знаете, как это нынче называется? Клоны.

ВОЛЬТЕР: Выпьем за клонирующихся!

ФРИДРИХ: И за наши творения!

КАЗАНОВА: Ну, не знаю, не знаю! Твой рейх, Фридрих, держится крепко. У них были проколы. Но Гитлер-то – не твой клон.

ФРИДРИХ: Моим клоном был Гитлер. А я был клоном Лютера. Гитлер – это несчастный случай на производстве. Лабораторная ошибка. Не получилось у ребят. Зачем затевать войну с Россией, если не успеваешь закончить ее к зиме? Рейх должен быть маленьким и сильным. Мой рейх – только тот, который остается все таким же маленьким и сильным. Армия – в казармах, а банки завоевывают мир.

Тиссен, Крупп, Сименс! Вот мои генералы. Маклеры – вот мои сержанты! Биржи – вот мои штабы! Это начал понимать разве что толстяк. И чернявый, что пришел после него.

КАЗАНОВА: Чернявый – мой клон! У него в жилах течет итальянская кровь.

ВОЛЬТЕР: Оставим в покое канцлеров. Вы все скопом навалились на моих учеников, и от них осталось мокрое место. Пена. Сплошь экзистенциалисты и алкоголики. А власти! Мало того, что сотрясают мир, они еще и развратничают.

КАЗАНОВА: Этот, в Америке, тоже мое племя. Даже я не додумался до таких фокусов.

ФРИДРИХ: Клонированный свет. Все повторяется, как на копии.

КАЗАНОВА: И все такое мутное. Безликое. Поблекшее и мерзкое до рвоты. Короли, сигарой деланные. Философы – бомжи. Любовники принимают виагру.

ВОЛЬТЕР: Грязно, шумно, пусто.

КАЗАНОВА: Мы живем в мире слепков и республик.

ВОЛЬТЕР: Вторичности и вторсырья.

ФРИДРИХ: Живем и живем.

ВОЛЬТЕР: Беее...

КАЗАНОВА: Да еще эта странная страна. Где мы, вообще, находимся? (Оглядывается.)

ФРИДРИХ: Поляки. (Приближается к зрительному залу.) *Polnische Wirtschaft.*

ВОЛЬТЕР: В философии слабы. В голове – одна политика.

КАЗАНОВА: И даже ни одной серьезной аферы с ширинкой. (Тоже приближается.)

ФРИДРИХ (Вольтеру): Собственно говоря, надо бы дать тебе в морду. Это я должен был стать королем умов. У меня сердце поэта. А ты был бы гением захватов. Философом победителей. Я бы многое мог написать. Но за что ни возьмусь, оказывается, ты уже это написал. Что бы я ни придумал, все говорит, дескать, ваше королевское величество, это уже сказал великий Вольтер. Как же я тебя ненавижу! Теперь я могу в этом признаться. Я ненавижу тебя как чуму. Я бы пове-

сил тебя в подвале, если б это согласовалось с достоинством просвещенного короля. Ведь ты вечно вставал у меня на пути. Ты занял мое место. В каком бы салоне я ни появился, ты успевал меня опередить, и всегда был лучше.

Ты говорил то же самое, только лучше. Выходило, что я как бы копировал твои произведения.

ВОЛЬТЕР (Фридриху): Знаешь, мне снится одна картина. Каждую ночь. Мне снится замок, погруженный во тьму. Он был для меня доказательством существования Бога. Картину писал настоящий художник, но она сгорела во время войны, развязанной одним из твоих клонов. А потом я увидел копию, выполненную Магистром искусств. И усомнился в Боге. И сомневаюсь до сих пор. Не знаю, зачем я это тебе говорю.

КАЗАНОВА: Жаль мне вас обоих. Вы думаете только о власти. Вы оба путаники и смутяны. Подумайте, кто после вас уберет мусор. Нельзя постановить, что будешь играть на флейте. С флейтой нужно родиться. Власть над умами? Фи! Сначала нужно подружиться с жизнью. (Вольтеру.) Что ты знаешь о душе, если не знаешь, где она живет? (Фридриху.) Бескровная мысль порождает войны. Я не стал бы вам верить. Я бы поверил властям с чреслами, как локомотивы. Упаси нас, Господи, от набожных мудаков! Пошли нам, Господи, похотливых властителей! Таких, как в Ветхом Завете! Иначе будут войны и войны. И еще одна война.

КАЗАНОВА: Жаль мне вас обоих.

ВОЛЬТЕР: Не против тебя, а ради выгоды. Знал, потому что знал ее. Фридрих очень любит своего Казанову... Ты знаешь, что она меня ударила?

ВОЛЬТЕР: Била, значит, любила.

КАЗАНОВА: До безумия.

ВОЛЬТЕР: Поупражняемся завтра в добродетели прощения?

КАЗАНОВА: Неет. Ты после нескольких лет франкмасонства со мной все еще не имеешь понятия о предгегелевских добродетелях. Давай сегодня, брат мой, поупражняемся в ясности вывода.

ВОЛЬТЕР: А когда мы поедем в эту Америку?

КАЗАНОВА: Материнская ложа примет нас, как только мы очистим наши души от налета современной грязи. (Закуривает сигару.) С тех пор, как никто при тебе не говорит "к черту-дьяволу" и "блин" и не вопит за стеной, мы можем упражняться в артикуляционных добродетелях. С чего начнем, брат мой по призванию?

ВОЛЬТЕР: Мне бы жену от храпа отучить.

КАЗАНОВА: О, Господи! (Сдавая позицию.) Может быть, сегодня просто сыграем в шахматы? Черные или белые?

ВОЛЬТЕР: О, Господи! (Сдавая позицию.) Может быть, сегодня просто сыграем в шахматы? Черные или белые?

КАЗАНОВА: О, Господи! (Сдавая позицию.) Может быть, сегодня просто сыграем в шахматы? Черные или белые?

ВОЛЬТЕР: О, Господи! (Сдавая позицию.) Может быть, сегодня просто сыграем в шахматы? Черные или белые?

КАЗАНОВА: О, Господи! (Сдавая позицию.) Может быть, сегодня просто сыграем в шахматы? Черные или белые?

ВОЛЬТЕР: О, Господи! (Сдавая позицию.) Может быть, сегодня просто сыграем в шахматы? Черные или белые?

КАЗАНОВА: О, Господи! (Сдавая позицию.) Может быть, сегодня просто сыграем в шахматы? Черные или белые?

ВОЛЬТЕР: О, Господи! (Сдавая позицию.) Может быть, сегодня просто сыграем в шахматы? Черные или белые?

КАЗАНОВА: О, Господи! (Сдавая позицию.) Может быть, сегодня просто сыграем в шахматы? Черные или белые?

ВОЛЬТЕР: О, Господи! (Сдавая позицию.) Может быть, сегодня просто сыграем в шахматы? Черные или белые?

КАЗАНОВА: О, Господи! (Сдавая позицию.) Может быть, сегодня просто сыграем в шахматы? Черные или белые?

ВОЛЬТЕР: О, Господи! (Сдавая позицию.) Может быть, сегодня просто сыграем в шахматы? Черные или белые?

КАЗАНОВА: О, Господи! (Сдавая позицию.) Может быть, сегодня просто сыграем в шахматы? Черные или белые?

ВОЛЬТЕР: О, Господи! (Сдавая позицию.) Может быть, сегодня просто сыграем в шахматы? Черные или белые?

КАЗАНОВА: О, Господи! (Сдавая позицию.) Может быть, сегодня просто сыграем в шахматы? Черные или белые?

ВОЛЬТЕР: О, Господи! (Сдавая позицию.) Может быть, сегодня просто сыграем в шахматы? Черные или белые?

КАЗАНОВА: О, Господи! (Сдавая позицию.) Может быть, сегодня просто сыграем в шахматы? Черные или белые?

ВОЛЬТЕР: О, Господи! (Сдавая позицию.) Может быть, сегодня просто сыграем в шахматы? Черные или белые?

КАЗАНОВА: О, Господи! (Сдавая позицию.) Может быть, сегодня просто сыграем в шахматы? Черные или белые?

ВОЛЬТЕР: О, Господи! (Сдавая позицию.) Может быть, сегодня просто сыграем в шахматы? Черные или белые?

КАЗАНОВА: О, Господи! (Сдавая позицию.) Может быть, сегодня просто сыграем в шахматы? Черные или белые?

ВОЛЬТЕР: О, Господи! (Сдавая позицию.) Может быть, сегодня просто сыграем в шахматы? Черные или белые?

КАЗАНОВА: О, Господи! (Сдавая позицию.) Может быть, сегодня просто сыграем в шахматы? Черные или белые?

нашем короле Фридрихе в психушке. Без этой ведьмы за стеной жизнь не в жизнь.

ВОЛЬТЕР: Этой, этой?

КОЛЛЕКЦИОНЕР: Той самой. Не повезло ей.

ВОЛЬТЕР: Зато мне снова повезло. (Хвастливо.) Она могла бы мне голову отстрелить.

КОЛЛЕКЦИОНЕР: И любой суд ее бы оправдал. Ты говорил мне это уже сто раз.

ВОЛЬТЕР: Она могла бы натравить на меня ментов.

КОЛЛЕКЦИОНЕР: Но натравили их мы. На нее. И нет уж с нами дочери тьмы. Я показал ей ватиканский протокол чуда. Наш был очень похож. И она поверила.

ВОЛЬТЕР: А откуда ты знал, что она предложит тебе объединиться против меня?

КОЛЛЕКЦИОНЕР: Не против тебя, а ради выгоды. Знал, потому что знал ее. Фридрих очень любит своего Казанову... Ты знаешь, что она меня ударила?

ВОЛЬТЕР: Била, значит, любила.

КАЗАНОВА: До безумия.

ВОЛЬТЕР: Поупражняемся завтра в добродетели прощения?

КАЗАНОВА: Неет. Ты после нескольких лет франкмасонства со мной все еще не имеешь понятия о предгегелевских добродетелях. Давай сегодня, брат мой, поупражняемся в ясности вывода.

ВОЛЬТЕР: А когда мы поедем в эту Америку?

КАЗАНОВА: Материнская ложа примет нас, как только мы очистим наши души от налета современной грязи. (Закуривает сигару.) С тех пор, как никто при тебе не говорит "к черту-дьяволу" и "блин" и не вопит за стеной, мы можем упражняться в артикуляционных добродетелях. С чего начнем, брат мой по призванию?

ВОЛЬТЕР: Мне бы жену от храпа отучить.

КАЗАНОВА: О, Господи! (Сдавая позицию.) Может быть, сегодня просто сыграем в шахматы? Черные или белые?

ВОЛЬТЕР: О, Господи! (Сдавая позицию.) Может быть, сегодня просто сыграем в шахматы? Черные или белые?

КАЗАНОВА: О, Господи! (Сдавая позицию.) Может быть, сегодня просто сыграем в шахматы? Черные или белые?

ВОЛЬТЕР: О, Господи! (Сдавая позицию.) Может быть, сегодня просто сыграем в шахматы? Черные или белые?

КАЗАНОВА: О, Господи! (Сдавая позицию.) Может быть, сегодня просто сыграем в шахматы? Черные или белые?

ВОЛЬТЕР: О, Господи! (Сдавая позицию.) Может быть, сегодня просто сыграем в шахматы? Черные или белые?

КАЗАНОВА: О, Господи! (Сдавая позицию.) Может быть, сегодня просто сыграем в шахматы? Черные или белые?

ВОЛЬТЕР: О, Господи! (Сдавая позицию.) Может быть, сегодня просто сыграем в шахматы? Черные или белые?

КАЗАНОВА: О, Господи! (Сдавая позицию.) Может быть, сегодня просто сыграем в шахматы? Черные или белые?

ВОЛЬТЕР: О, Господи! (Сдавая позицию.) Может быть, сегодня просто сыграем в шахматы? Черные или белые?

КАЗАНОВА: О, Господи! (Сдавая позицию.) Может быть, сегодня просто сыграем в шахматы? Черные или белые?

ВОЛЬТЕР: О, Господи! (Сдавая позицию.) Может быть, сегодня просто сыграем в шахматы? Черные или белые?

КАЗАНОВА: О, Господи! (Сдавая позицию.) Может быть, сегодня просто сыграем в шахматы? Черные или белые?

ВОЛЬТЕР: О, Господи! (Сдавая позицию.) Может быть, сегодня просто сыграем в шахматы? Черные или белые?

КАЗАНОВА: О, Господи! (Сдавая позицию.) Может быть, сегодня просто сыграем в шахматы? Черные или белые?

ВОЛЬТЕР: О, Господи! (Сдавая позицию.) Может быть, сегодня просто сыграем в шахматы? Черные или белые?

КАЗАНОВА: О, Господи! (Сдавая позицию.) Может быть, сегодня просто сыграем в шахматы? Черные или белые?

ВОЛЬТЕР: О, Господи! (Сдавая позицию.) Может быть, сегодня просто сыграем в шахматы? Черные или белые?

КАЗАНОВА: О, Господи! (Сдавая позицию.) Может быть, сегодня просто сыграем в шахматы? Черные или белые?

ВОЛЬТЕР: О, Господи! (Сдавая позицию.) Может быть, сегодня просто сыграем в шахматы? Черные или белые?

КАЗАНОВА: О, Господи! (Сдавая позицию.) Может быть, сегодня просто сыграем в шахматы? Черные или белые?

(Коллекционеру.) Что с ним? Он и впрямь обратился? Вот темнота. (Вольтеру.) Может, ты и в чудеса еще веришь? Ведь ты перенесся в двадцать первый век. Хахаха!

КОЛЛЕКЦИОНЕР: Что ж, недурно...

ВОЛЬТЕР: Совсем спятила...

КОЛЛЕКЦИОНЕР: Тут уж не до шуток. Она шла по краю пропасти. Этого я и боялся...

МАГИСТР: Ну, так что, мой Джованни? Хапнул ты в конце концов свою Лекувер или не хапнул?

КОЛЛЕКЦИОНЕР: И ее, и ее дочку, и всех теток и наконец бабу! (В бешенстве.) Как они могли выпустить тебя в таком состоянии. Ведь это же классическая паранойя.

Звонок телефона. Коллекционер подбегает, садится на шезлонг, берет трубку.

КОЛЛЕКЦИОНЕР: Казанова... То есть, я хотел сказать... Да. Ее муж. Здесь. Она здесь. Как вы могли ее выпустить? В таком состоянии? Как это – здорова? Да ведь она описывает какие-то битвы, толкует о своих полках и беседует с Вольтером! (Слушает.) Ну и что? Оговорился. Конечно, я не Казанова. И никогда им не была. (Слушает.) Как это – заняться? Этой помещанной? Я? (Слушает, все больше нервничает.) Простите... Минуточку... Я с этой дамой давно разошелся. Еще тогда, когда она казалась вполне нормальной. Тем более сейчас... Какой привет, от кого? Какой я вам брат, никакой я вам не брат...

МАГИСТР: Понятно, ты беседуешь с Декартом. Он иногда изображает директора в сумасшедшем доме.

ВОЛЬТЕР: Так я, пожалуй, ...

МАГИСТР: Еще раз встанешь, колесую!

ВОЛЬТЕР: Я больше не буду...

КОЛЛЕКЦИОНЕР: Побойсь Бога, с каким Декартом? Я полагал, что беседуешь с твоим соплатником.

МАГИСТР: Какой директор. Какой директор – псих?

МАГИСТР: Какой псих? Декарт.

КОЛЛЕКЦИОНЕР: Пусть директор спит, если он выпускает пациентов на свободу, но кто-то же есть над ним. Министр...

МАГИСТР: Есть министр. Очень умный человек. Могу устроить тебе встречу с ним. Он называет себя Дидро.

ВОЛЬТЕР (изумленно): Масонство...

МАГИСТР (Вору): Какое масонство! Самые умные люди объединились и захватили власть. Разве это плохо? Ведь это идеал. Всегда все мечтали о просвещенном правлении. Наши люди проникли на все уровни власти. Нет такой сферы, где бы мы не осуществляли контроль. Все мы встречаемся и совещаемся при моем дворе. Когда-то это называлось партией. Но вызывало дурные ассоциации. Теперь это вообще никак не называется. Мы руководствуемся рациональными соображениями. Мы ра-ци-о-на-ли-сты. Правда на нашей стороне. Мы всегда правы, ибо истина открывается нам в разном роде откровениях, озарениях, проблесках и просветлениях. Мы стремимся спасти человечество от заблуждений невежества, ложных кумиров, пагубных влияний и вообще. Мы избавились от множества маньяков, применив методы, которые непосвященным могут показаться жестокими. Эти маньяки пытались противопоставить нашей правде какие-то иллюзорные полуправды и антиправды. Мы устроили сожжение работ Сальвадора Дали, ибо его пагубное влияние порождало непомерные амбиции. Мы начали чистку с администрации дома, заменили консьержа и председателя клуба жильцов, затем наш человек занял место прежнего коменданта местного полицейского участка, фанатичный мэр отправился на заслуженный отдых, а его должность занял просвещенный Жан-Жак Руссо...

КОЛЛЕКЦИОНЕР (Вору): Слушай, ушпани меня. Может, я сплю?

ВОЛЬТЕР: Не спишь. Я-то не сплю, а слышу то же самое.

МАГИСТР (мягко): Но вы не тревожьтесь. Настал радостный час! Джованни! Франсуа! Давайте lively вы откроем окна! Чем быстрее вы присоединитесь к нам, тем лучше!

Звонок телефона. Трубку берет Вор.

ВОЛЬТЕР (слушает, кладет трубку): Нас приглашают на собрание.

КОЛЛЕКЦИОНЕР: Какое собрание? Что это за цирк? (Подбегает к телефону, набирает номер.) Они включили телефон. Они сказали... (Бледнеет и бессильно опускается в шезлонг.) Они велели соблюдать тишину и отвести в швейцарскую все острые предметы.

ВОЛЬТЕР: Так я, пожалуй, пойду домой.

КОЛЛЕКЦИОНЕР: Боюсь, что ты отсюда уже не выйдешь.

ВОЛЬТЕР: Как это – не выйду? (Изумлен.) Да ведь я никакой не Вольтер! Клянусь, никогда я никем не был, а только собой.

КОЛЛЕКЦИОНЕР (сдается): Боюсь, что отрицать, что ты когда-то был Вольтером, так же безнадежно, как и утверждать, что ты им был.

ВОЛЬТЕР (упрямится): Это что еще за фокусы? Я должен был обеспечить? Я обеспечил! Мы в Америку собрались! А вы теперь куда – в желтый дом? И меня впутываете?

МАГИСТР (угаваривает): Великий Вольтер, никто тебя не впутывает. О чем ты говоришь? У тебя классический кризис самоидентификации. Но это пройдет.

КОЛЛЕКЦИОНЕР: Если честно, какой там из меня Казанова! Ну, было несколько приключений, но почему сразу – Казанова?

ВОЛЬТЕР (кричит): Матильда! Забери меня отсюда! Матильда!

МАГИСТР: Ну, мальчики, через минуту гасим свет. Но прежде встречаемся внизу с нашим новым консьержем. Проведем собрание в узком кругу.

ВОЛЬТЕР: Ну и наделали мы делов! Нужно было спокойно красть, а не чурить.

КОЛЛЕКЦИОНЕР: Что будет с моей коллекцией?

МАГИСТР: Ты ее сохранишь. Она станет даже лучше. Совершеннее.

КОЛЛЕКЦИОНЕР: Как это – совершеннее?

МАГИСТР: Она будет подвергнута определенным процедурам, которыми я займусь лично.

КОЛЛЕКЦИОНЕР: Я не желаю, чтобы кто бы то ни было касался моих картин! Даже самый лучший реставратор! Не говоря уж о тебе! Ведь ты вообще ничего не понимаешь в реставрации.

МАГИСТР: А я и не буду их реставрировать. Я их перепису.

КОЛЛЕКЦИОНЕР (издает истинный крик отчаяния): Нееееет!

ВОЛЬТЕР (себе под нос): Как я вас ненавижу.

Магистр подходит к залу. Коллекционер и Вор исчезают в темнеющей глубине сцены.

МАГИСТР: Дорогие господа. В самое ближайшее время я приглашу вас на выставку переписанных мною классических полотен. Наконец-то, я реализовалась как художник. Копирование не было достойным меня занятием. И занятие этих высокомерных оригинальных живописцев, тем более, не является моей сферой. Я же попросту переписываю картины. Что-то допишу, что-то запишу. Иногда. Когда никто не видит. В галерее. Недавно вот дописала Мону Лизу. Я была Дюшаном. Здорово, правда? Ибо должна признаться, что я не Фридрих Великий. Что бы там ни говорили, я – Сальвадор Дали. К вашим услугам. (Кланяется.)

12.

Тени двух мужских фигур, в париках и фраках восемнадцатого века. Как в китайском театре. Сидят за столом и играют в шахматы. Музыка того времени. Через некоторое время (пауза) может быть короткой или долгой) между ними садится женская фигура в эксцентричном головном уборе, похожем на шляпу.

Конец.

Январь 1999, Вроцлав

Перевод
Эллы ВЕНГЕРОВОЙ